

§ 13 ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ

Горин Е.В.

ЯЗЫКОВЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ФРЕЙМА «ТЕРРОРИЗМ»

Аннотация: В предлагаемой вниманию читателей статье ставится цель осмыслить категорию фрейма в качестве методологического инструмента познания в политических науках. А именно: определить преимущества фреймового подхода при исследовании элементов общественного мнения и общественного сознания; разработать основные принципы анализа языковых репрезентацией конкретного фрейма и продемонстрировать действенность и продуктивность такого подхода на примере эмпирического исследования. Исследование строится на общих методологических принципах политического дискурс-анализа и структурного контент-анализа. Исследование фреймовой структуры повседневного опыта, общественного мнения и сознания позволяет выявить субъективный образ того или иного явления, который существенно более значим для повседневной деятельности, чем объективные его характеристики, поскольку обыватель действует исходя из своих субъективных представлений о предмете, а не на основе научных данных, полученных в результате всестороннего и глубокого анализа. Изучение фреймовых структур в различных источниках позволяет выявить, с одной стороны, образ, актуально присутствующий в общественном сознании, с другой — направленность и вектор информационных потоков, влияющих на формирование такого образа. А это уже позволяет вплотную подойти к проблеме манипулирования общественным сознанием и использования такого рода технологий в социально-политической сфере жизни общества.

Review: This article is aimed on evaluation of frame as a category and a methodological cognition instrument in political sciences, or, more specifically on establishing the benefits of frame approach for the analysis of elements of public opinion and cognition, development of the key principles for the verbal representations analysis for a specific frame, and showing efficiency and productive character of such an approach taking an empiric study as an example. The study is based upon the general methodological principles of the political discourse analysis and structural content analysis. The study of frame structure of the everyday experience, public opinion and conscience allows establishing a subjective image of a certain matter, which is much more important for the everyday life, than its objective characteristics, since common people based their actions upon the subjective ideas of an object and not the scientific data based on in-depth, comprehensive analysis. Study of the frame structures in various sources allows to single out an actual image in a public conscience on one hand, and direction and vector of the information streams forming such an image on the other hand. In turn, this achievement allows to directly approach the problem of manipulation of the public conscience and use of such technologies in social and political spheres of social life.

Ключевые слова: фрейм, концептуальный фрейм, дискурс, дискурс-анализ, схема интерпретации, терроризм, теракт, СМИ, языковая репрезентация, контекст

Keywords: frame, conceptual frame, discourse analysis, interpretation scheme, terrorism, terrorist act, mass media, verbal representation, context.

Понятие фрейма как элемента (пока что мы не определяем его суть и характеристики) когнитивной сферы восходит к работам Марвина Минского, который в 70-х годах XX века поставил перед собой задачу проанализировать процессы обработки информации, восприятия образов и организации статического и динамического знания. Он осуществляет данное исследование в контексте теории Искусственного Интеллекта (ИИ).

зировать процессы обработки информации, восприятия образов и организации статического и динамического знания. Он осуществляет данное исследование в контексте теории Искусственного Интеллекта (ИИ).

М. Минский в терминологии теории фреймов изучает процессы и структуру восприятия зрительных образов, восприятия языковых символов и их интерпретацию, память и интегральную обработку различных образов, их совмещение и различение. Такой подход оказывается чрезвычайно продуктивным: он позволяет адекватно и вполне убедительно описать когнитивные процессы. Но самое важное, что эта теория даёт возможность не только смоделировать основополагающие процессы обработки информации для ИИ, но и реализовать их в действительности, по крайней мере частично.¹

Методологический потенциал теоретической разработки М. Минского оценили исследователи самых разных областей действительности: лингвисты, социологи, политологи, культурантропологи, культурологи и т. д. Чем же так привлекательна и ценна категория фрейма в качестве инструмента социально-гуманитарного познания? Дело в том, что данное понятие легко встраивается в более сложную систему, описывающую не только процессы познания, но и использования, функционирования знания в сфере повседневности.

Именно этот аспект раскрывается в работе Ирвина Гофмана «Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта». У него фреймы связаны, с одной стороны, с понятиями реальности и действительности, с другой — игры, роли, ритуала, копии, репродукции и так далее. У Гофмана фрейм предстаёт в своём первоначальном значении: как кадр, рамка, ограничитель определённого отрезка, интервала, области действительности. Ограничения эти имеют характер игровых правил или правил организации процесса. В частности, исследователь выделяет такие фреймы, как система дорожного движения, система профессиональных ролей, ритуалы, например, ритуал приветствия. При этом необходимо понимать, что в основе этой игры всегда лежит реальность, а с помощью фрейма она всего лишь оформляется. Но человек в своей повседневной деятельности имеет дело именно с игрой, довольно редко непосредственно соприкасаясь с жестокой и однозначной её основой.²

¹ Минский М. Фреймы для представления знаний. — М.: Мир, 1979.

² Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. — М., Институт социологии РАН, Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. С. 678-681.

Понимаемые таким образом фреймы могут быть выявлены, структурированы и проанализированы в своих языковых репрезентациях: определённых фразах, оборотах, используемых в пределах данного фрейма, в стиле, манере сочетать слова или выстраивать их последовательности и т. д.

Однако, у Гофмана недостаточно проработан динамический аспект существования фрейма. Хотя категория времени и представлена некоторым образом в его теории, оно рассматривается скорее в физическом смысле. В.А. Ядов вносит существенные дополнения в теорию Гофмана, что позволяет расширить рамки её применимости, сделать более универсальной. Так он подмечает, что физическое и социальное время существенно различны, поэтому для исследования социальных процессов целесообразно использовать категорию социального времени, которое можно считать субъективным и относительным.³ Таким образом он сближает методологический подход Гофмана с дискурс-анализом ван Дейка, в котором при исследовании фреймов особое внимание уделяется социально-политическому контексту и развитию концептуального фрейма, его органической включённости в дискурс, в том числе и в динамическом измерении. Именно поэтому методология Т. ван Дейка представляется наиболее продуктивной и адекватной для исследования когнитивных структур политического дискурса.

Т. ван Дейк рассматривает фрейм в контексте теории дискурса, в которой совмещаются когнитивный и коммуникативно-деятельностный подходы. Ван Дейк стремится осмыслить и проанализировать когнитивные механизмы обработки дискурса, который понимается им как иерархически выстроенная система знаний, сложный процесс коммуникации, состоящий не только из текста, но и из ряда факторов, необходимых для понимания этих текстов — экстралингвистических факторов. Вся эта сложная система предполагает наличие специализированных моделей понимания, встроенных в само знание, то есть определённых когнитивных механизмов, которые и изучает ван Дейк.

Фрейм — это используемая в конкретный момент времени для оценки ситуаций матрица, состо-

³ Ядов В. А. Попытка переосмыслить концепцию фреймов Ирвина Гофмана // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 2. С. 89.

ящая из конечного числа категорий, понятий. На её основе выстраивается индивидуальная субъективная модель ситуации — отражение конкретной событий и контекста в сознании индивида. Модель ситуации — один из основных способов представления знания, специфической характеристикой которого является то, что она базируется на индивидуальном опыте и уникальных личностных знаниях человека, что делает её крайне субъективной. Но именно на основе модели ситуации, а не на объективных данных и абстрактных знаниях, человек строит своё поведение.

Фреймы, по ван Дейку, бывают двух типов: одни описывают стационарные стабильные объекты, другие — способы взаимодействия объектов. Фреймы второго типа обозначаются как концептуальные фреймы, или «сценарии». Они тесно связаны именно с поведением человека.⁴

Таким образом, фреймы — это не произвольно выделяемые обрывки знания, а единицы, организованные вокруг некоторого важного концепта.⁵

Но каким образом происходит увязывание дискурса и фрейма, что стоит между ними? На этот вопрос можно ответить, основываясь на концепции Л. Ионины о схемах интерпретации, без которых восприятие действительности было бы разрозненным и пугающе неоднородным для человека.

Интерпретативная матрица, или схема интерпретации — это сито, через которое просеивается вся информация, поступающая к человеку. На выходе мы имеем знание, оформленное определённым образом, в котором действительность интерпретируется так, а не иначе.⁶ Фрейм — это та фракция знания, в которую оформляется информация после фильтрации интерпретативными схемами и матрицами, это те крупинки, которые легко проходят сквозь ячейки сита. Фрейм — это определённая данность, готовый продукт, из описания которого, однако, мы не можем сделать никаких непосредственных выводов о его формировании и обусловленности. Схемы интерпретации, такие как стиль (стиль мышления), стереотип и т.

д., позволяют отследить процессы взаимоперехода между дискурсом и фреймом, которые оказываются взаимообусловленными именно благодаря этим схемам.

Матрица интерпретации — это внешняя по отношению к сознанию формальная структура, которая формирует знание, направляет потоки информации в привычное русло понимания и интерпретации. Фрейм — это собственно знание о некотором сегменте действительности, элементы которого организованы в систему, подвержены изменениям, но и сами являются фактором как когнитивных процессов, так и поведения в целом.

На основе краткого экскурса в теорию фреймов можно сделать вывод о том, что преимущество метода политического дискурс-анализа ван Дейка состоит в возможности на основе исследования репрезентаций концептуального фрейма обнаружения так называемых стратегий, которые предстают как структурные элементы фрейма, работающие на его содержательное наполнение, последовательно и направлено формирующие фрейм, организующие информацию в определённые конфигурации. Изучение стратегий позволяет проанализировать и содержательно конкретизировать позицию и цели определённых политических сил в некотором социокультурном контексте. Также дискурс-анализ даёт возможность в конечном итоге обнаружить сценарий, который содержит в себе концептуальный фрейм, то есть заданный способ поведения носителя фрейма в ситуациях, ограниченных соответствующим концептуальным полем. Специфика этих сценариев такова, что в ситуации дефицита информации они позволяют субъекту достроить картину самостоятельно, по сути — домыслить её на основе привычного знания, фрейма, и откорректировать в соответствии с этим знанием (сценарием) свое поведение.

Эмпирический анализ концептуального фрейма «терроризм» и его языковых репрезентаций предполагает, в соответствии с методологией ван Дейка, выявление таких структурных элементов как:

- коммуникативный контекст (социокультурная ситуация, представление об участниках взаимодействия и их целях);
- вторичные концепты (целостные смысловые элементы);
- когнитивные стратегии.

⁴ Мишанкина Н.А. Информационное моделирование в языке. — Томск, 2006.

⁵ Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. — М., 1989.

⁶ Ионин Л. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. — М., 2000.

Политика и общество 9 (105) • 2013

В свою очередь в когнитивных стратегиях можно выделить следующие составляющие:

1. формирование «образа врага» – негативного образа чуждых субъекту групп;
2. формирование положительного образа субъекта и «дружественных ему сил»;
3. выработка аргументированной позиции на основе синтеза двух предыдущих составляющих; данная позиция обосновывает социально приемлемые оценки и создаёт видимость их достоверности.

Представляется целесообразным вторичные концепты рассматривать не отдельно, а в рамках когнитивных стратегий, поскольку эти элементы тесно взаимосвязаны и отдельное их рассмотрение неизбежно привело бы к дублированию данных.

Анализ языковых репрезентаций фрейма «терроризм» в современных СМИ.

Выбор материала для исследования обусловлен положением теории Маршалла Маклюэна о том, что форма сообщения — это тоже часть сообщения («как с операциональной, так и с практической точки зрения средство коммуникации есть сообщение»).⁷ Языковая репрезентация является наиболее прозрачной (или так кажется), в которой многозначность предельно минимизирована. Но и среди способов и средств коммуникации, имеющих языковое измерение, обнаруживается поразительное разнообразие, в котором необходимо как-то определиться.

Для эмпирического исследования было выбрано такое средство коммуникации как публицистика в периодических изданиях. Такой материал позволяет проследить динамику изменений фрейма, его становление. В то же время, систематическое изучение публикаций в определённом периодическом издании даёт возможность выявить замаскированные цели и мотивы сил, стоящих за этими сообщениями.

Был проведён структурный контент-анализ порядка девятисот публикаций (со 2 сентября 2004 года по 2013 год) в Российской Газете (РГ – официальный печатный орган РФ), в которых были выявлены упоминания теракта в Беслане, имевшего место в сентя-

бре 2004 года. Были отобраны и детально изучены 328 публикаций, непосредственно посвящённых данному событию и его последствиям.

Контекст

2004 год — фактически продолжается так называемая Вторая чеченская война, официально — контртеррористическая операция; постоянно осуществляются террористические атаки различного масштаба как на территории РФ, так и за её пределами. Одним из наиболее масштабных терактов, оказавших влияние на мировоззрение и умонастроения современников, является теракт 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке в США (принято считать, что данное событие подтолкнуло так называемый «цивилизованный мир» к осознанию того факта, что терроризм стал самостоятельной силой, а не оружием спецслужб). В связи с терактом 11 сентября активно развивается дискурс об арабских корнях терроризма. Идёт первый год второго президентского срока В.В. Путина. Прошло почти 12 лет после вооружённых столкновений, ставших кульминацией осетино-ингушского конфликта, не разрешённого по сей день. 21-22 июня 2004 года — нападения на государственные объекты в Ингушетии. 29 августа 2004 года — выборы президента Чечни. До этого момента — усиленные меры безопасности на всём Северном Кавказе.

Все перечисленные обстоятельства непосредственно или косвенно упоминались в изученных публикациях, преимущественно в публикациях первых двух лет после теракта.

Следует также обратить внимание на событийный контекст, повлиявший на динамику дискурса уже после теракта. Это судьба пострадавших в теракте: лечение, реабилитация, денежные выплаты, похороны; это судебные процессы над милиционерами, обвинёнными в халатности, сделавшей возможным осуществление террористической атаки, и единственным выжившим террористом — Кулаевым в 2005 году; работа парламентской комиссии по расследованию событий в Беслане (2004 — 2006) и обнародование заключения комиссии (23.12.2006).

Именно в этот период выходит основной массив публикаций (см. Рис. 1). С 2007 года количество публикаций резко уменьшается и статьи по данной тематике выходят, в основном, в связи с очередной годовщиной трагических событий 2004 года.

⁷ Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. — М.: Кучково поле, 2007.

Политические коммуникации

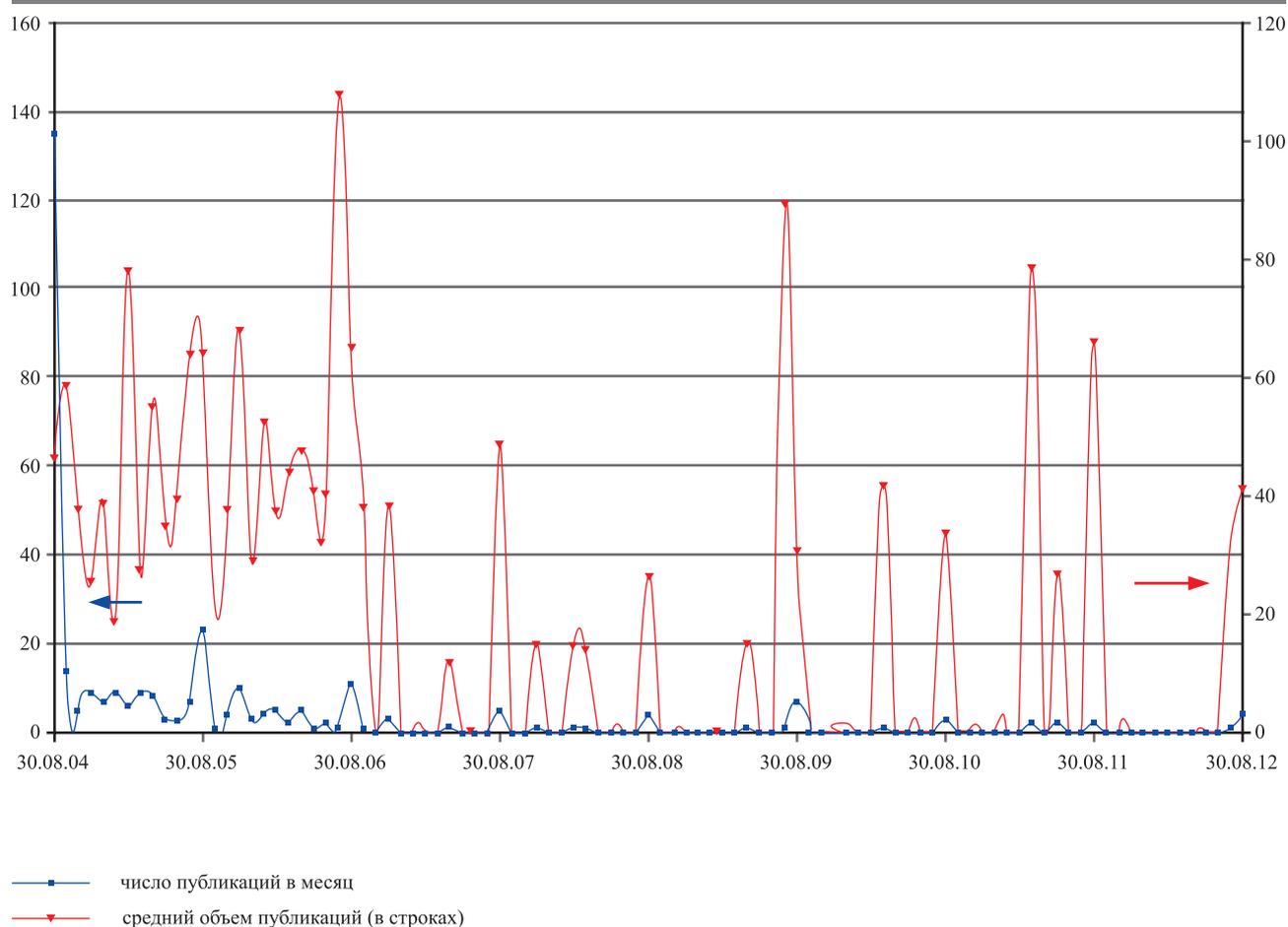

Рис. 1 Количество и средний объём публикаций за месяц.

Большая часть публикаций, судя по структуре и смысловым акцентам, нацелена на информирование аудитории о происходящих событиях (теракт и расследование), а также на вызов эмоционального отклика. Из всего массива публикаций лишь в 10 – 12 можно заподозрить наличие попыток проанализировать события на более-менее концептуальном уровне. Во всех статьях, посвящённых расследованию событий в Беслане, декларируется прозрачность этого процесса, но в результате — никакой ясности. До настоящего времени в РГ не появилось ни одной статьи, в которой были бы даны чёткие и ясные ответы на все вопросы, которые возникали у рядовых граждан и должностных лиц. В публикациях в той же РГ были обозначены многие из них ещё в то время, когда велось расследование парламентской комиссии, но статьи, в

которых были бы ответы хотя бы на эти вопросы, так и не появились. Вопросы повисли в воздухе.

В ходе анализа печатных материалов были выделены три плана дискурса, условно обозначенных «факты», «эмоции» и «идеология». Эти планы идентифицировались по определённым речевым маркерам (например, слова «боль», «скорбь», «трагедия» и т. п. позволяют отнести контент к плану «эмоции»); а также по общему контексту и смысловой нагрузке. Их распределение оценивалось в процентном соотношении. При этом следует понимать, что «факты» — это не обязательно описание реальных фактов, но и их имитация. К плану «идеология» было отнесено всё, что можно квалифицировать как попытку навязать читателю определённое отношение к описываемому явлению.

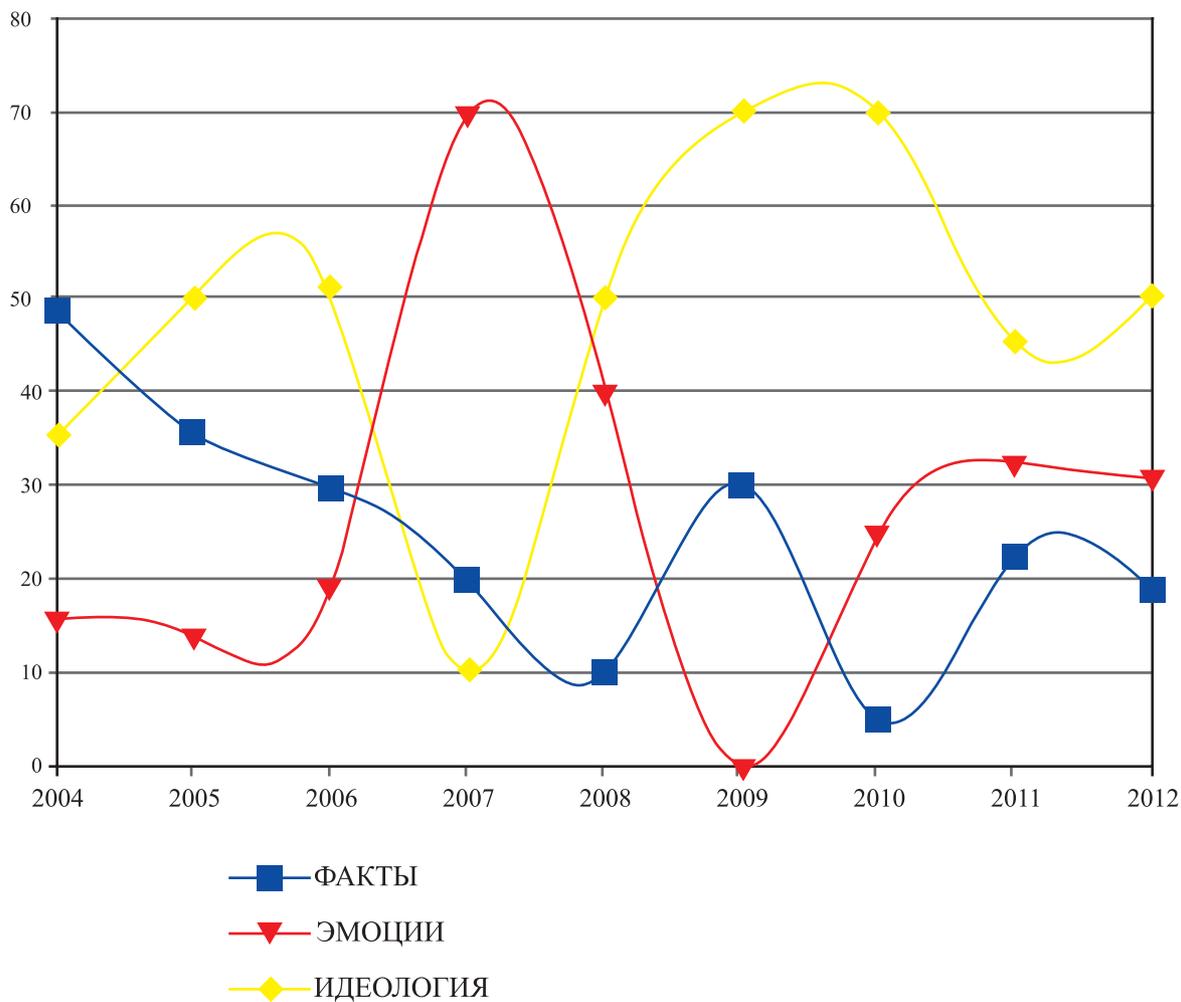

Рис. 2 Соотношение объёмов «фактов», «эмоций» и «идеологии» в публикациях с 2004 по 2012 годы.

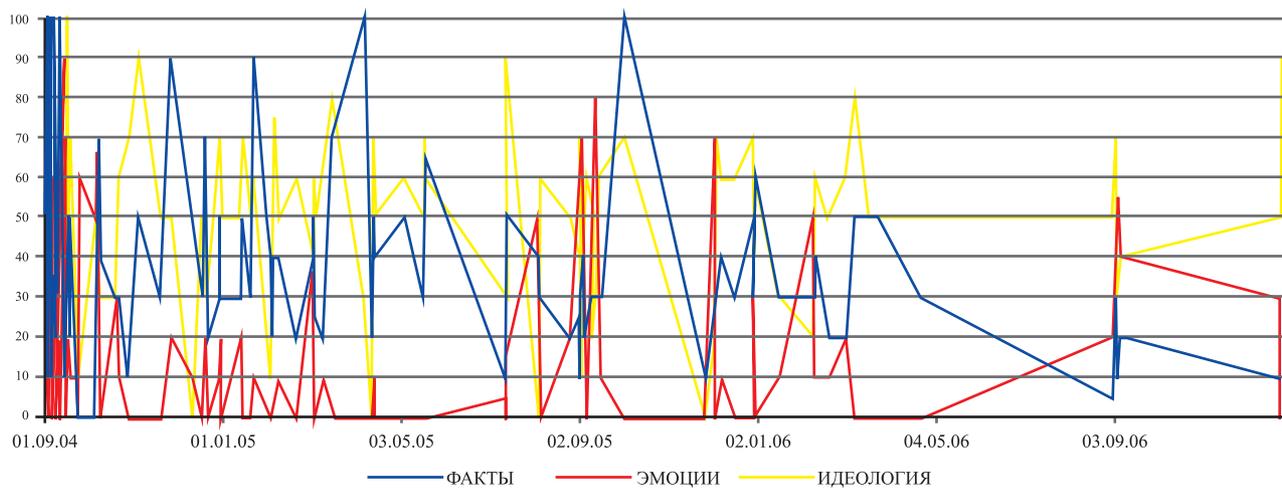

Рис. 3 Соотношение объёмов «фактов», «эмоций» и «идеологии» в публикациях с 2004 по 2006 годы.

Как показано на рисунках 2 и 3, в первые две недели с начала теракта, то есть после 2 сентября 2004 года, факты заметно преобладают над остальными планами. Затем, вплоть до конца 2006 года все планы представлены в примерно равных долях, но уже заметна тенденция увеличения идеологической составляющей. Начиная же с 2007 – 2008 годов можно наблюдать явное преобладание идеологии. Также, что вполне понятно, в сентябре каждый год происходит всплеск эмоционального наполнения, поскольку выходят статьи, посвящённые памяти погибших и судьбе пострадавших. Увеличение процента идеологически ориентированного контента наблюдается в связи с такими событиями как судебные разбирательства, а также — работа парламентской комиссии по расследованию событий в Беслане. То есть ситуация всячески используется для того, чтобы объяснить читателю, что правильно, и что не правильно в этой истории, как следует понимать события, как следует к ним относиться.

С самого начала очень велика доля эмоциональных высказываний, в целом публикаций. Это, конечно, можно понять, так как рассматриваемые события действительно потрясли не только россиян, но и всё мировое сообщество. Но на фоне практически полного отсутствия каких-либо концептуальных обобщений, аналитических статей, такое положение дел выглядит как попытка отвлечь внимание от главного, от сути происходящего.

Вторичные концепты и когнитивные стратегии

Среди наиболее актуальных вторичных концептов следует выделить следующие:

- суть терроризма вообще и данного теракта как его проявления;
- «образ врага» – кто виноват в теракте;
- жертвы теракта, объект террористической атаки;
- последствия теракта;
- положительный образ субъекта (в данном случае «заказчиков» статей РГ);
- оценка событий, выработка отношения к событиям.

Суть терроризма вообще и данного теракта как его проявления.

Вопреки ожиданиям, этот вторичный концепт представлен в публикациях крайне скудно: лишь в 10-15% статей. Встречаются следующие варианты:

- цель террористов: взорвать регион изнутри;
- терроризм (чеченский) — это война против России; это война в мирное время против мирного населения;
- цель терроризма — размежевание между разными народами, проживающими в РФ (порядка 3% материалов содержат такую идею);
- по словам боевиков (информация из третьих рук), данный теракт, в который оказались вовлечены дети — это месть за убийство чеченских детей русскими солдатами;
- терроризм — это направленная атака, которая бьёт по слабым местам общества.

Встречается и такая характеристика терроризма в целом как «колониальная война» (Масхадов). Не безынтересной является следующая оценка бесланского теракта: «война боевиков за сохранение террористической инфраструктуры под государственной крышей».

Если говорить о конкретных целях, то в первых сообщениях с места событий говорится о том, что террористами предъявлено требование — вывести войска из Чечни. Однако буквально через неделю выстраивается официальная версия, по которой террористы не выдвигали никаких требований, и именно поэтому с ними невозможно было вести переговоры.

Примерно в 1% публикаций присутствует оценка терроризма зарубежными политическими и общественными деятелями, которая в целом сводится к следующей формулировке: терроризм – это глобальная угроза нашим обществам и ценностям, под которыми понимаются демократия, права человека, правовое государство.

Типичным является уподобление теракта в Беслане теракту в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года: по масштабам, по социально-политической роли и идеологическому значению (7% статей).

В 30% публикаций (статьи, в которых подводятся некоторые итоги) терроризм так или иначе ассоциируется с многоконфессиональностью, национализмом, многоэтничностью, межрелигиозной рознью, однако, отсутствуют уточнения и пояснения, поэтому не владеющему информацией читателю будет совершенно не очевидно, о конфликтах между какими силами идёт речь. Любопытно, что при этом суть и цель теракта не рассматриваются в принципе, такие детали опускаются как очевидные.

«Образ врага» – кто виноват в теракте.

В первых публикациях уже после печально известных событий осуществляется судорожный поиск виноватых и высказываются порой совершенно абсурдные версии. В частности, упоминается осетино-ингушский конфликт, звучат обвинения в адрес ингушей и некоторых местных жителей. Но такого рода обвинения — единичные явление. Довольно оперативно была выстроена официальная линия, которой и придерживались авторы в дальнейшем.

В целом «образ врага» репрезентируется следующими концептами:

– конкретные имена. С особым упорством РГ тиражирует имена опознанных террористов, словно они должны что-то значить для читателя (10 % публикаций, преимущественно за 2004 год). Формируется иллюзия осведомлённости.

– особого внимания удостоился Н. Кулаев — единственный захваченный живым террорист. Его имя всплывает в 70% публикаций за период 2005 — 2007 годов.

– «ингуши», «чеченцы», «выходцы из арабских стран». Особо подчёркивается во всех информационных сообщениях, что среди террористов есть две женщины-шахидки. Видимо, данный факт должен оказывать на читателей какое-то особенное моральное и психологическое воздействие. Также имеют место упоминания «известных» чеченских боевиков Басаева и Масхадова (около 7% публикаций в период до 2007 года).

– не непосредственные виновники, но причастные к событиям, несущие за них ответственность, допустившие ряд ошибок силовики (25% публикаций). Данный концепт активно продавливается с самого начала с постепенным усилением идеологической нагрузки вплоть до конца 2006 года, когда были представлены результаты расследования теракта парламентской комиссией.

– власть (на разных уровнях, но не на высшем), вина которой преимущественно состоит в несогласованности действий различных ведомств в критической ситуации, и в слабой законодательной базе (можно обнаружить в порядка 50% статей, особенно интенсифицируется репрезентация данного концепта в 2006 году).

– «недрузи из-за кордона» — робко и полунамеками обозначается данный концепт. Причём, не

уточняется, откуда именно эти недруги. Дискурс строится таким образом, словно все и так понимают, о чём речь. Sapientisat. (всего 3-4 упоминания).

Примерно 1% публикаций содержит упоминания о связи данного террористического акта с Исламом, исламским мировоззрением.

Террористы описываются следующими эпитетами: нелюди, звери, убийцы, стреляющие в спины детей, наркоманы, насильники, недолюди, изверги; а их деятельность характеризуется как дикость и первобытное варварство. Формируется негативное отношение к террористам, имеющее отчётливый эмоциональный характер, но никак рационально не обоснованное. Единственным основанием тотального осуждения является абстрактная ценность человеческой жизни, не признающаяся в качестве таковой многими культурами по сей день.

Жертвы теракта, объект террористической атаки.

Это по преимуществу «женщины и дети». Примечательно то, что существенно разнятся цифры: от 200-300 до 1300 человек заложников и 335 погибших.

При описании пострадавших акцент делается на положительные качества осетин, такие как сплочённость, терпение.

В большинстве публикаций подчёркивается, что в конечном итоге, целью теракта стали все россияне, поскольку они оказались во власти страха.

Последствия теракта.

Психологические последствия. В массиве изученных публикаций несколько статей (1,5%) специально посвящены психологическим эффектам, вызванным терактом. Здесь терроризм характеризуется как «бомба замедленного действия» с отложенным эффектом, захватившим не только весь город, но и всю страну. Таким образом, даже те, кто ещё не был напуган и подавлен бесланскими событиями, узнали о том, как они должны себя чувствовать и что переживать.

Социально-экономические последствия. В ряде статей (порядка 5%) указывается на неожиданный социально-экономический эффект трагедии: пострадавшие граждане возлагают всю ответственность не только за произошедшее, но и за свою дальнейшую судьбу, на власти. Власти

выплачивали компенсации семьям пострадавших, которые были существенно дополнены пожертвованиями граждан РФ, различных фондов, зарубежных организаций. Это привело к развитию «иждивенческих настроений» среди жителей Беслана, которые отказывались работать, требовали дополнительной финансовой поддержки, покупали квартиры, машины, делали ремонт на полученные деньги.

Ещё одним аспектом стало мошенничество, о котором также упоминается в небольшом числе статей. Под видом сбора средств в помощь пострадавшим мошенники незаконно обогащались.

Помощь оказывалась не только непосредственно пострадавшим. В ряде публикаций (порядка 30%), особенно последних лет, постоянно встречаются упоминания о строительстве новых школ, оздоровительного центра, развитии инфраструктуры города и т. д., что никак рационально не обосновывается, и потому выглядит как попытка властей просто-напросто откупиться от жителей Беслана.

Политические последствия. Трагедия в Беслане стала поводом для усиления мер безопасности, для очередной волны антитеррористических мероприятий, а также для законодательных инициатив, что выглядит вообще-то странно. Получается, что, как в русской поговорке, начали что-то делать, когда жареный петух клюнул. Как будто до этого никто не подозревал о существующих проблемах и террористических угрозах.

Неоднократно всплывает концепт «политических игр», которые разворачиваются вокруг процесса над единственным задержанным террористом.

Также в нескольких статьях артикулируется мысль о том, что теракт — это повод для консолидации народа России.

Положительный образ субъекта дискурса.

Во всех публикациях, где это было возможно, ненавязчиво, а иногда и явно российские спецслужбы, врачи и некоторые звенья вертикали власти высвечиваются в крайне положительном свете: «вовремя среагировали», «был на месте через полчаса», «закрыли собой детей и женщин», «не спал и вёл переговоры». Причём упор делается именно на такие детали, а не на общую картину, которая вырисовывается в целом.

Стремясь обелить власть и отмежеваться от теракта, В.В. Путин заявляет: «между российской по-

литикой в Чечне и событиями в Беслане отсутствует какая-либо связь».⁸

Оценка событий, выработка отношения к событиям:

Узловой точкой в репрезентации данного концепта является заключение парламентской комиссии, обнародованное в декабре 2006 года. Во время работы комиссии в многочисленных публикациях, посвящённых этому процессу, постоянно проскальзывают намёки на препятствование расследованию, противоречивые данные, внезапное появление новых фактов. Только в одной публикации вскользь говорится о том, что, возможно, препятствование расследованию выгодно некоторым силам (а именно — властям ЮФО), которые имеют с террористами некие экономические связи. Однако, не уточняется, какие именно. Вокруг расследования постоянно активизировались информационные потоки, а после обнародования заключения они практически сошли на нет. Тема как будто была закрыта. Но в самом заключении детально описывается ход теракта, обсуждаются события, приведшие к известной развязке, но нет ни слова об истинных мотивах и целях террористов, о роли данной трагедии в развитии ситуации на Северном Кавказе и т. д.

Так и осталась не прояснённой оценка силовиками спонтанного штурма Бесланской школы №1: это провал или успех? Но сделать выводы можно по косвенным признакам. Во-первых, все официальные лица в каждом интервью настойчиво подчёркивали, что штурм не планировался, что это были вынужденные действия, которые стали реакцией на прогремевшие третьего сентября в час дня два взрыва, после которых из школы стали выбегать заложники, обстреливаемые боевиками. Во-вторых, неоднократно приводятся нормы израильских спецслужб, в соответствии с которыми операция с таким процентом жертв, как в Беслане (28%), считается успешной. Очевидно, что российские силовики оправдываются, а значит — считают операцию провальной.

Возможно, именно такая позиция и спровоцировала недоверие в широких кругах общественности, ответом на которое стал процесс над милиционера-

⁸ Разговор в Ново-Огарёве // «Российская газета» — Федеральный выпуск №3572.

Политика и общество 9 (105) • 2013

ми, обвинёнными в халатности, приведшей к возможности совершения теракта.

Также настораживают мистические трансформации в ходе расследования: так, первоначально сообщаются определённые данные (например, что оружие было завезено в школу заранее, что террористы приехали туда первого сентября на одном грузовике), а затем появляются опровержения, основанные на показаниях свидетелей, следственных экспериментах, недоверии свидетелям и таинственных оперативных данных. Встречаются сообщения о следственных экспериментах, которые дали противоположные результаты и т. п. А вслед за этим следуют опровержения опровержений. В одно и то же время появляются публикации, открыто противоречащие друг другу. Складывается впечатление, что ведётся операция по намеренной дезинформации и запутыванию читателей.

В нескольких публикациях (2%) открыто высказывается позиция (а в большинстве остальных – пассивно поддерживается), что ни убеждения, ни вера, ни пережитое не могут оправдать террор. «Виноваты только террористы. Иная позиция равнозначна предательству». Идеи террористов характеризуются не иначе как преступные, поэтому «нельзя давать им трибуну». Видимо поэтому в статьях (за редким исключением) авторы старательно избегают размышлений о глубинных причинах теракта и истинных мотивах террористов и тех сил, которые они представляют. В единичных случаях вскользь говорится о национализме как корне террора. В одной статье высказывается идея о том, что у этого явления имеются социальные корни — это бедность. И поэтому государство должно направить все мыслимые усилия на борьбу с бедностью на Северном Кавказе.

Какие-либо концептуальные обобщения относительно причин и сущности произошедшего отсутствуют. Выявлено единственное заявление о необходимости социокультурного анализа и работы над проблемой терроризма, которое принадлежит А. Дзасохову — президенту Северной Осетии на момент совершения теракта. Однако оно не получает развития, по крайней мере в данном печатном издании.

В целом следует отметить поразительную противоречивость информации, представленной в РГ, и не только на начальном этапе, когда проверенных данных было недостаточно, когда не было возможно-

сти согласовать информацию, но и позднее – в 2005, 2006 годах противоречий меньше не становится.

Можно констатировать намеренное сужение проблематики, концентрацию внимания на деталях при отсутствии концептуального анализа, обобщений. По сути, идёт поиск не истинных причин теракта, а козлов отпущения.

Напрашивается вывод: власть, действующие политические силы либо не заинтересованы в решении проблемы терроризма, либо маскируют своё бессилие. Кроме того, со временем идёт всё большая редукция в сторону эмоций и уход от рефлексии.

В рамках коммуникативного события, определяемого как «ограниченный в пространстве и времени, мотивированный, целостный, социально обусловленный процесс речевого взаимодействия коммуникантов»,⁹ можно выделить ряд коммуникативно-событийных партий, связанных с фреймом «терроризм». Коммуникативно-событийные партии представляют собой смысловые локации коммуникантов, субъектов взаимодействия в пространстве дискурса. Описанный дискурс позволяет вычленить следующие коммуникативно-событийные партии: «партия власти», основная цель которой — сохранить лицо в сложившейся кризисной ситуации, реализуемая посредством громких пафосных заявлений, преимущественно от лица президента, в духе «только террористы виноваты в случившемся»; вторая партия представлена многочисленными субъектами не систематизированного дискурса — журналисты, парламентская комиссия, некоторые общественные и политические деятели. Данная группа коммуникантов, по крайней мере складывается такое впечатление, производит отвлекающий манёвр, фокусируя внимание общественности на деталях террористического акта и увводя тем самым дискурс в сторону от сути происходящего, от глубинных причин и широкого событийного плана сентября 2004 года. Ещё одна локация, представленная крайне скудно в исследуемом репрезентативном поле, – это отдельные личности, пытающиеся если не прояснить, то хотя бы поставить вопросы об истинных причинах Бесланской трагедии, о социокультурных и политических факторах, приведших к такому развёртыванию событий. И ещё одной, наиболее многочисленной

⁹ Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2001. С. 17.

партией, оказываются простые обыватели и журналисты, задающиеся многочисленными вопросами самого разного содержания, но не получающие на них ответа, сочувствующие жертвам теракта, напуганные и заинтересованные лишь в том, чтобы подобное никогда не повторилось.

Таким образом, первые две партии используют пространство дискурса для политических игр: пытаются упрочить свои позиции, сохранить лицо, сформировать или подкорректировать имидж, направить общественное мнение в нужное русло. Третья коммуникативно-событийная партия больше внимания уделяет собственно печальным событиям, пытается их осмыслить и предотвратить в дальнейшем, то есть ориентирована на первичные функции власти. Последняя партия формирует определённый запрос к политическим силам страны, но из изученных материалов не совсем ясно, получает ли этот запрос какой-либо отклик и дальнейшее развитие.

То есть реальные политические силы страны — партия власти, парламентский институт, в данной ситуации стремятся к формированию иллюзии деятельности, а не к действительному осуществлению властных полномочий, делегированных им народом. Видимо, на тот момент власть по-прежнему продолжает существовать в отрыве от народа и его нужд, ориентируясь на сохранение своих позиций, привилегий и влияния.

Можно сделать следующие **выводы**:

В публикациях РГ за 2004 – 2012 годы когнитивные стратегии в рамках концептуального фрейма «терроризм» разворачиваются следующим образом. Формируется крайне негативный, но лишённый целостности и концептуальной завершённости «образ врага», которого следует ненавидеть, а сама попытка понять его мотивы — преступна. Одновременно власти пытаются сформировать положительный образ самих себя, но, поскольку используется апофатический принцип «мы не виноваты», то это выглядит не слишком убедительно. Аргументированная позиция, по сути, не вырисовывается, а напротив — всячески затуманивается эмоциями и домыслами. Социально-приемлемые оценки формируются на основе императивов, а не логических умозаключений. Складывается впечатление, что когнитивные стратегии в данном дискурсе направлены на формирование следующего сценария: человек должен стремиться к избеганию кризисных ситуаций, аналогичных теракту в Беслане, не пытаясь при этом

понять причины происходящего и мотивы террористов, поскольку их действия алогичны. Решить проблему невозможно, поэтому от неё следует уходить или же минимизировать потери и компенсировать последствия, если уйти всё же не удалось.

Итак, в статье на примере изучения языковых репрезентаций фрейма «терроризм» в периодической печати были продемонстрированы методологические преимущества фреймового подхода, который – на материале публикаций в периодической печати (в нашем случае — в «Российской газете») – позволяет выявить структуру политического дискурса, мотивы участников политического взаимодействия и сценарии, навязываемые этими силами общественному мнению.

Библиография:

1. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001.
2. Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта.-М., Институт социологии РАН, Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. С. 678-681.
3. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ.-М., 1989.
4. Ионин Л. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. – М., 2000.
5. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. — М.: Кучково поле, 2007.
6. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Мир, 1979.
7. Мишанкина Н.А. Информационное моделирование в языке.-Томск, 2006.
8. Разговор в Ново-Огарёве // «Российская газета»-Федеральный выпуск №3572.
9. Ядов В. А. Попытка переосмыслить концепцию фреймов Ирвинга Гофмана // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 2. С. 89.

References (transliteration):

1. Borisova I.N. Russkiy razgovornyy dialog: struktura i dinamika. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2001.
2. Gofman I. Analiz freymov. Esse ob organizacii povsednevnogo opyta. – M., Institut sociologii

Политика и общество 9 (105) • 2013

- RAN, Institut Fonda «Obschestvennoe mnenie», 2004. S. 678-681.
3. Deyk van T. A. Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya: Per. s angl. – M., 1989.
4. Ionin L. Sociologiya kul'tury: put' v novoe tysyachetie. – M., 2000.
5. Maklyuen M. Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka. — M.: Kuchkovo pole, 2007.
6. Minskiy M. Freymy dlya predstavleniya znaniy. – M.: Mir, 1979.
7. Mishankina N.A. Informacionnoe modelirovanie v yazyke. – Tomsk, 2006.
8. Yadov V. A. Popytka pereosmyslit' koncepciyu freymov Irvinga Gofmana // Zhurnal sociologii i social'noy antropologii. 2011. T. 14. № 2. S. 89.